

Глава 21. Кровь наполнила треножник

Грохот —

Жестокая реальность обрушилась на головы «старика, беременного и больной» подобно удару грома. В этот миг они с невыразимой тоской вспомнили прежнего Се Юньчжу: пусть он не отличался дружелюбием или мягкостью, но на него, по крайней мере, можно было положиться в критической ситуации.

Хэй Бэй, обхватив живот, с плаксивой миной спросил:

— Кстати... вы брата Суна не видели?

Старик Фу Ю поднял трость и указал в сторону больничных ворот:

— Вон он.

Несмотря на разные пути, все четверо оказались у выхода почти одновременно. Все, кроме Сун Цзымина. Он застыл прямо на пороге; его лицо приобрело мертвенно-бледный, синюшный оттенок. Он колебался, не решаясь сделать последний шаг.

Пятеро призраков-проводников претерпели странную метаморфозу: спина старика выпрямилась, язвы больного мгновенно затянулись, живот беременной женщины стал плоским, калека обрел конечности, а лицо покойника вновь налилось здоровым румянцем. Эти пятеро, обретшие новую жизнь, остались в стенах больницы. Они улыбались и махали им на прощание.

Их страдания не исчезли в никуда — они перешли на тех, кто покинул здание. Неудивительно, что призраки так услужливо вызвались их провожать. За всякую доброту в этом месте была заранее назначена цена.

— Брат Сун, ты не выходишь? — крикнул Хэй Бэй.

Сун Цзымин, ставший свидетелем их трансформаций, отчаянно затряс головой. Сквозь стиснутые зубы он прохрипел:

— Нет... я не выйду! Ни за что, слышите? Ни за что не выйду!

Рука, которую он схватил в хаосе, была холодной, влажной и жесткой. Она принадлежала Смерти.

Однако больница не собиралась давать ему время на раздумья. Ощутимая, почти материальная тьма, подобно разлитой смоле, хлынула к воротам. Дюйм за дюймом она поглощала свет и медленно всасывала блеклую тень Сун Цзымина. Тот в ужасе оглянулся и, вздрогнув от увиденного, невольно сделал шаг вперед. Половина его ступни пересекла порог.

Он увидел это: бесконечные коридоры в форме иероглифа □, вечный цикл, очереди пациентов, ждущих искупления... Чистилище, которое было страшнее самой смерти.

— Ничего, брат Сун! Потерпи до выхода из подземелья, и всё восстановится! — крикнула Сяо Ту. — Говорят же, что на награду можно вылечить любую болезнь!

— Выходи скорее, кха-кха! — убеждал его и Фу Ю. — Не забывай, ты загадал желание Обезьяньей лапе! Она защитит тебя, и ты уйдешь живым!

— Да... у меня есть лапа! — Вспышка надежды прорезала тучи отчаяния, на мгновение осветив глаза Сун Цзымина. — У меня есть Обезьянья лапа, она спасет меня!

В последнюю секунду перед тем, как тьма окончательно сомкнулась за его спиной, он, зажмурившись, выбежал из больницы. Яркий солнечный свет обнял его, словно обряд крещения новой жизни. Он пустился в пляс, дико размахивая руками:

— Я в порядке! Со мной правда всё хорошо! Лапа сработала, ха-ха-ха!

Сун Цзымин был слишком возбужден. Он смеялся так неистово, что зашелся в кашле. В его горле раздалось странное бульканье, и экстаз мгновенно сменился мукой. Что-то вырвалось наружу, перекрыв дыхание. Он согнулся пополам, пытаясь пальцами прочистить горло.

После очередного приступа рвоты на землю вывалилось длинное, нежно-розовое, ветвистое и обмякшее нечто.

Это были его бронхи.

Рвота, начавшись, уже не могла остановиться. Следом за бронхами вышло упругое губчатое легкое. Из-за многолетнего курения оно было грязно-бурым. Хорошая новость заключалась в том, что рак легких ему больше не грозил. Плохая — легкое лежало в пыли, напоминая подтаявшее грязное мороженое.

Глаза Сун Цзымина налились кровью. Он пытался зажать рот руками, но ошметки внутренних органов просачивались сквозь пальцы.

— Э-э-э... кха... у-у-ух!

Когда из его глотки выскочило всё еще содрогающееся бледно-розовое сердце, Сун Цзымин наконец перестал биться в этой жуткой агонии.

За всё это время, даже когда сердце покинуло грудную клетку, не пролилось ни капли крови. Вся она — добрых пять литров — осталась запертой внутри его тела.

От вида этой неслыханной, противоестественной смерти лица присутствующих приобрели землистый оттенок. Хэй Бэй в ужасе обхватил свой огромный живот, думая: «Малыш, какое счастье, что мамочка тебя любит!»

Лишь старик Фу Ю сохранял спокойствие, будто ожидал подобного исхода. Он тяжело вздохнул:

— «Все благополучно покинут больницу и получают достаточно крови»... Исполнено слово в слово.

Желание Обезьяньей лапы сбылось. Но какова была цена?

У троицы не было времени на причитания, потому что Сун Цзымин, превратившийся в живой сосуд с кровью, не упал. Он стоял среди кучи собственных внутренностей, медленно и жестко поднимая голову. На его лице застыла оскаленная улыбка; в щелях между зубами застряли обрывки красных сосудов.

— Я болен... не бросайте меня, — его голос доносился из пустой грудной клетки, отдавая гулким эхом. — Вы... проводите меня в больницу.

— Мы все больны... нам нужно... в больницу... лечиться... — Он сделал шаг вперед. Кровь внутри него колыхалась, как вода в недопитой бутылке.

И затем этот полный злобы кровавый труп стремительно бросился на них!

— Нет, не подходи! А-а-а! — Перепуганная троица бросилась наутек. Точнее, один побрел на костылях со скоростью черепахи, вторая, преодолевая недуг, поползла вперед, а третий сжался от ужаса так, что по ногам потекла амниотическая жидкость.

Хэй Бэй взвыл от боли и зарыдал. Смертоносный вихрь уже почти настиг его. Он в отчаянии зажмурился, ожидая удара, и услышал за спиной глухой, тяжелый звук. Что-то массивное обрушилось прямо на него!

— А-а-а, помогите! Мама! Ма-а-а! — Взрослый мужчина в семь футов ростом истошно звал мать.

Секунда, две, три... смерть не приходила.

Хэй Бэй ошеломленно открыл глаза и обернулся. Он встретился взглядом с глазами, чистыми и ясными, как весеннее небо. В них светились забота и сочувствие.

Се Юньчжу... Но в полный противовес этому невинному выражению лица, в его руке был зажат окровавленный кирпич.

Сун Цзымин лежал у его ног, окончательно утратив способность к движению. Удар пришелся точно в затылок. Се Юньчжу бил расчетливо и жестоко: череп раскололся, и на землю вытекло месиво из красного и белого.

Факт оставался фактом: разум может быть поврежден, но боевая мощь — никогда.

Старик, «беременный» и больная застыли в оцепенении, уставившись на своего спасителя. Се Юньчжу, смущенный таким вниманием, слегка подтолкнул носком сапога разбитую голову и виновато улыбнулся:

— Смотрите, гнилой арбуз.

— ... — Хэй Бэй всхлипнул, вытирая слезы. В тот момент ему, будущей «матери», хотелось только одного — обнять Далло за ноги и звать папой.

— Брат Сун умер... — Сяо Ту никак не могла прийти в себя. В ее голосе смешались скорбь, страх и странное облегчение. Она закрыла лицо руками и тихо заплакала.

С самого первого дня Сун Цзымин был их лидером, их опорой. То, что они выбрались из больницы, во многом было заслугой Обезьяньей лапы... И вот такой опытный игрок пал так легко, закончив свой путь самым чудовищным образом. Это был предпоследний день. Оставался лишь один раунд, и они боялись даже представить, до какой степени жестокости дойдет игра в финале.

— Что ж, брат Сун хоть и погиб, но смерть его была полезной и ценной. Мы всегда будем помнить его вклад в команду. — Фу Ю первым взял себя в руки, подводя итог тоном умудренного опытом наставника. — Кровь теперь есть, целых пять литров. Кха-кха... кто-нибудь, погрузите Сун Цзымина на тележку, надо доставить его обратно...

Договорив, Фу Ю обвел группу затуманенным взором и осознал, что этот последний шаг почти невыполним. Он сам — руина, не способная шагу ступить без трости; Сяо Ту едва ползает; Хэй Бэй вот-вот разродится...

И тогда взгляды всех присутствующих с абсолютной решимостью скрестились на Се Юньчжу.

Се Юньчжу тоже завертел головой, но, обнаружив, что за спиной никого нет, понял — смотрят на него. Он растерялся, оттянул воротник и шепотом спросил у спрятавшегося внутри Пушистика:

— Что делать?

Это Ми Янь приказал ему напасть на Сун Цзымина. Его маленький Пушистик был очень умным, в его голове всегда рождались отличные идеи.

«Послушай их. Чтобы закончить задание, нам нужна эта кровь», — отозвался Ми Янь.

— Но я так устал... — Се Юньчжу замотал сокрушенно головой, глядя на него влажными глазами. — Я хочу отдохнуть.

Сердце Ми Яня разлеталось на куски, хотя он и сам не знал, где оно находится.

«Нужно потерпеть еще совсем немного. Закончим задание — и вернемся домой. Ты ведь всегда хотел домой?»

— Правда? — Глаза Се Юньчжу радостно сузились. Он зашептал в ответ: — Тогда пойдем прямо сейчас. Мой дом...

Он вдруг запнулся, растерянно озираясь на истерзанную землю.

— А где я? Я почему-то не могу вспомнить дорогу...

Ми Янь чувствовал на себе выжидающие взгляды остальных и знал, что должен делать.

«Ничего страшного, я знаю дорогу. Я отведу тебя. Помнишь ту розу? Мы сорвали ее в твоём саду».

— Точно! Мой дом в Ланьине, перед ним огромный сад, полный роз... — Се Юньчжу словно прозрел. Он крепко сжал щупальце Ми Яня и затряс им. — Пойдем скорее!

Ми Янь сдержал стон отчаяния.

«Сначала — задание. Помнишь, мы в подземелье? Нужно отнести тело назад, и тогда всё закончится».

Ему пришлось повторить эту простую просьбу несколько раз, пока Се Юньчжу с его поврежденным рассудком наконец не понял смысл. Он ловко подхватил Сун Цзымина,

погрузил его в тележку и зашагал вслед за Ми Янем. Он даже весело напевал себе под нос, радуясь тому, что скоро окажется дома.

Весь этот кошмар подходил к концу.

Несмотря на груз, он шел гораздо быстрее «старика, немощного и калеки». Фу Ю с трудом поспевал за ним, раздражающе стуча тростью; Хэй Бэй, чей срок подошел к концу, и едва живая Сяо Ту плелись следом, поддерживая друг друга.

По пути Се Юньчжу то и дело отвлекался: то на флюгер, застрявший в щели между кирпичами, то на плюшевого мишку с оторванной мордой. Он постоянно сворачивал с пути, желая всё потрогать. Но стоило Ми Яню окликнуть его, как он покорно возвращался, бормоча под нос:

— Ничего, дома всего полно, дома всё лучше...

Казалось, с потерей интеллекта боевые навыки Се Юньчжу только возросли. Под руководством Ми Яня он, вооружившись кирпичом, проложил группе путь сквозь опасности и вывел их к алтарю.

Было уже четыре часа дня. Группа, отправившаяся на бойню, еще не вернулась.

Те, кто утром уходил полным решимости, возвращались теперь как разбитая армия дезертиров. Каждый из них усвоил горькие уроки этого мира.

К их удивлению, Великая Шаманка ждала их на алтаре — это случилось впервые. Она подняла ритуальный предмет в правой руке, и тело Сун Цзымина, взмыв в воздух, зависло над треножником.

Затем она сделала движение другой рукой, будто выжимая полотенце. Тело мертвеца начало скручиваться спиралью, послышался жуткий треск лопающихся костей. Кровь до последней капли была выжата из плоти — сначала бурным потоком, затем редкими каплями она низверглась в сосуд.

Завершив это, Шаманка резким движением, словно отламывая кукурузный початок, оторвала голову Сун Цзымина и насадила ее на четвертое копьё.

Се Юньчжу вскрикнул, его лицо мгновенно побледнело. Густые черные ресницы задрожали от страха. Он прикрыл глаза Пушистиком и прошептал:

— Задание выполнено. Теперь мы можем идти домой?

Ми Янь не знал, что ответить. За свою короткую жизнь он не испытывал столь сложных чувств.

Ему хотелось рыдать, но слез не было; в душе стало сыро и тоскливо, будто наступил бесконечный сезон дождей.

Постепенно Се Юньчжу нашел ответ в его молчании. Он понуро опустил взгляд.

— Всё в порядке. Я знаю... я знаю, что мы не вернемся...

— Больно! Я больше не могу! — Внезапно Хэй Бэй закричал, обхватив живот. — Помогите! Кажется, я рожаяю... Сделайте что-нибудь, я не хочу рожать! А-а-а!

Вместе с его криком хлынули воды. Что-то острое проткнуло штаны и высунулось наружу. Хэй Бэй рухнул на землю, его ноги бились в конвульсиях от боли. И тогда все увидели это: между его ног судорожно дергалась птичья лапа!

Затем показалась вторая, третья... нечто копошащееся упорно выбиралось на свет.

— Спасайте мать! — вопил Хэй Бэй. — Главное — спасайте мать!

Среди всех «стариков и калек» именно Пушистик проявил инициативу. Он вытянул три щупальца, ухватил содрогающиеся птичьи лапы и с силой потянул. Под душераздирающий вопль Хэй Бэя на землю шмякнулся черный комок — крупная птица, чьи перья были насквозь пропитаны околородными водами.

Хорошая новость: роды прошли успешно.

Плохая новость: это была ворона. Трехлапая ворона.

Пуповина была не обрезана, глаза закрыты. Птица дернулась пару раз под лучами солнца и затихла навсегда.

Хэй Бэй, едва не потерявший сознание, из последних сил приподнялся, ведомый непонятным материнским инстинктом, чтобы взглянуть на свое дитя. Увидев это порождение ада, он едва не испустил дух окончательно.

Ми Янь осторожно ткнул трехлапую ворону:

— Прими соболезнования. Твой ребенок умер сразу после рождения.

— Это не мой ребенок! — Хэй Бэй в ярости колотил по земле. — Это даже не птичеловек, это просто дохлая курица!

Видя его состояние, все тактично промолчали, не решаясь спросить, через какое именно отверстие появилось на свет это чудо природы.

В этот момент подошла Великая Шаманка. Она бережно подняла мертвую птицу и подошла к треножнику. Ее иссохшие руки сомкнулись, и ворона в ее ладонях превратилась в черную субстанцию, которая капля за каплей смешалась с кровью в сосуде.

Никто не понимал смысла этого жестокого обряда. Хэй Бэй, потерявший свое «дитя», лежал в холодном поту, тупо глядя в пространство.

— Я тоже умираю? У меня уже галлюцинации... — пробормотал он.

Не успел он закончить фразу, как Шаманка опустила свой жезл в костер. Подцепив сноп искр, она щелкнула длинным ногтем, и огненные точки разлетелись в разные стороны, точным ударом поразив каждого в межбровье.

Небывалое тепло мгновенно разлилось по венам, обладая поистине чудесной силой. Группа «неможных» преобразилась в один миг: болезнь Сяо Ту исчезла, и она снова стала бодрой девушкой; Фу Ю помолодел на глазах и отшвырнул трость; Хэй Бэй поспешно свел ноги, поклявшись больше никогда не расставлять их в метро...

Великая Шаманка спасла их, хотя причины оставались неясными. Закончив, она вернулась на свое место и села, выглядя изможденной. Несмотря на любопытство, никто не осмелился подойти к ней с расспросами.

Разум Се Юньчжу тоже исцелился. В его голову хлынул поток ясных, четких мыслей. Туман рассеялся, мир вновь обрел четкие контуры, а контроль над телом вернулся в полной мере.

Он ошеломленно коснулся своей щеки и почувствовал влагу. Это были слезы.

Вместо стыда он ощутил лишь изумление: он и не подозревал, что еще способен плакать, пусть даже в состоянии полного помрачения.

Ми Янь честно признался:

«Прости. Я обманул тебя. Я не знаю, где твой дом, и не могу отвести тебя туда...»

Се Юньчжу привычным жестом погладил его по голове:

— Ничего. Ты всё сделал правильно.

Выполнить задание любой ценой, использовать даже самого себя — это было логично. Ми Янь додумался до обмана, и это значило, что он куда способнее и смелее, чем казалось вначале.

Что же касается дома... Се Юньчжу сам потратил три года на поиски и потерпел неудачу. Он не ждал чуда от глупого комочка шерсти. У него не было даже тени надежды, а значит, не было и разочарования.

Однако Ми Янь выглядел крайне подавленным. Он обхватил руку Се Юньчжу своими щупальцами и прошептал:

«Сейчас я слишком слаб... я ничего не могу... Но я быстро вырасту. Стану очень сильным. И тогда я отведу тебя домой...»

Договорив, он внезапно завалился на спину и мгновенно уснул, изможденный до предела. Видимо, он держался лишь на голом упрямстве, пока хозяин не пришел в себя.

«Ну и болтун», — Се Юньчжу усмехнулся, легонько похлопав его по животу, и, не замечая собственной нежной улыбки, аккуратно убрал его в капюшон.

Четверо выживших чувствовали себя так, будто только что вошли в игру: силы кипели в них, здоровье было идеальным. Единственное, что нельзя было исцелить — это душевное истощение. Ужас и скорбь, пережитые за день, превышали человеческий предел. Все сидели, словно лишившись костей, пытаясь просто отдышаться.

Фу Ю принялся лихорадочно ощупывать карманы:

— Послушайте, никто не видел мой зажим для галстука? Тот, что с сапфиром.

Все покачали головами. Сяо Ту отозвалась:

— Наверняка в больнице обронил. Не бери в голову, главное — жизнь сохранили.

— И то верно, — вздохнул Фу Ю. — Вещь-то недорогая, просто носил много лет.

— Не грусти, поешь лучше, — Хэй Бэй всюду уплетал еду, протягивая ему ломоть хлеба. — Эх, только сейчас почувствовал, что живу.

Они сидели кругом, ели и разговаривали — это помогало переварить не только пищу, но и эмоции.

— Начнем с того, что ближе, — Се Юньчжу открыл упаковку саморазогревающегося хого,

которым с ним поделилась Сяо Ту. — Во-первых, это существо, которое родил Хэй Бэй. Оно напомнило мне мифическую Трехлапую золотую ворону.

Он заговорил в своей обычной манере: неспешно, холодным, рассудочным тоном. Остальные трое невольно почувствовали легкое сожаление — теперь они знали, что это лицо умеет улыбаться беззаботно, а эти губы могут произносить искренние, детские слова. Но с исцелением разума та часть этого человека, вероятно, исчезла навсегда.

— Я тоже про это знаю, — вздохнула Сяо Ту. — Золотая ворона — божественная птица, живущая в солнце. Она правит солнечной колесницей, и когда она кричит, просыпаются все петухи в мире.

— В моей памяти Золотая ворона и Дун-цзюнь принадлежат к разным мифологическим системам и не связаны напрямую, верно? — Се Юньчжу взглянул на Фу Ю.

— Кажется, так, — кивнул старик.

— Но одно ясно наверняка: Трехлапая золотая ворона — символ солнца. И она умерла сразу после рождения, став лишь топливом для ритуала Шаманки, — подытожил Се Юньчжу. — Это звучит как крайне дурное предзнаменование.

— В любом случае, та баба в больнице подсунула мне явно не подарок, — Хэй Бэй поежился. — Сдохла — и ладно. У меня таких детей быть не может.

Обсудив это, они поняли, что информации мало, и решили дождаться А Си. Вспомнив о ней, все невольно посмотрели на северо-запад. Никто не знал, когда вернутся остальные четверо... и вернутся ли вообще.

К тому же, даже после смерти Сун Цзымина, тренажник был заполнен едва ли наполовину. Если группа с бойни потерпит неудачу, им придется снова идти за кровью.

— Второе, что меня беспокоит — странное поведение Шаманки. — Се Юньчжу загнул второй палец. — Обычно ей на нас плевать, но сегодня она внезапно исцелила нас.

— Да уж, на нее это совсем не похоже! Обычно она только и ждет нашей смерти, чтобы насадить головы на копья! — возмутился Хэй Бэй. Договорив, он заметил странные взгляды товарищей и смущенно замолчал.

— К тому же, после битвы с культом Кишок она явно ослабла, и костер стал меньше, — продолжил Фу Ю. — Думаю, дело не в том, что она не хотела нам помогать, а в том, что каждый раз, когда мы используем Божественный Свет, мы тратим её силу. Возможно, пока Бог Солнца не призван, её возможности ограничены.

— Верно. Тогда возникает вопрос: зачем ей, при ограниченном запасе сил, так помогать нам сегодня? — Се Юньчжу обвел взглядом присутствующих. — Зачем королева воодушевляет своих воинов?

Ответ напрашивался сам собой. Сяо Ту в ужасе прошептала:

— Она готовится к войне!

— И кто же её враг?

Все переглянулись. Хэй Бэй выдал:

— Только не говорите, что она собирается объявить войну всем еретикам в руинах. Она что, возомнила себя императрицей Цыси?!

— Мы едва отбились от нескольких десятков культивистов... — Сяо Ту втянула голову в плечи. — Нам не победить...

Се Юньчжу помолчал и негромко произнес:

— На некоторые битвы выходят не потому, что победа гарантирована, а потому, что выбора нет.

Даже если ты не объявишь войну, враг всё равно придет. Эти руины — поле битвы для всех забытых богами фанатиков.

— Выше нос! Как только соберем все предметы, призовем Бога Солнца! — Фу Ю хлопнул в ладоши. — Может, Он просто дунет с небес, и от врагов мокрого места не останется!

— Да, наша цель — собрать предметы для ритуала. После этого мы просто перенесемся отсюда, и пусть хоть потоп, — поддержал его Се Юньчжу. — Не стоит пугать самих себя раньше времени.

Они с Фу Ю старались успокоить парочку, хотя оба прекрасно понимали: после того случая с пробуждением Злого бога на останках, нормальное завершение этого подземелья под большим вопросом.

— В-третьих, у меня остались вопросы по поводу больницы и Обезьяньей лапы. — Се Юньчжу загнул третий палец. Одно упоминание о больнице заставило всех побледнеть: это место оставило в их душах клеймо тьмы. — Очевидно, что пять призраков соответствовали нашему количеству. Больница с самого начала дала подсказку: держись за руку призрака — и выйдешь, но плати цену. Это классическая схема «лабиринт — выход», стандартный побочный квест.

— Но вот отделение переливания крови... там было полно сатанинской символики, которой не было больше нигде в больнице. Эта комната была особенной. — Се Юньчжу спросил прямо: — Если бы вы были геймдизайнером, зачем бы вы так сделали?

Даже Фу Ю впервые посмотрел на ситуацию под таким углом. Хэй Бэй, как заядлый игрок, предположил:

— Обычно в играх это означает «комнату с сокровищем», где можно запустить особый квест... О! Мы же с самого начала шли туда за кровью! Тот сатанинский ритуал... он наверняка и был способом добыть кровь!

— Отделение переливания — это бонусная локация с режимом «вызов — награда», — Се Юньчжу разбирал структуру подземелья, как хирург. — Уверен на девяносто процентов: это был верный способ.

При таком разборе становилось ясно, что многие идеи Се Юньчжу с самого начала были правильными. Когда они застряли в бесконечном коридоре, он предлагал обыскивать комнаты. Если бы они послушались, то быстро поняли бы систему переходов и нашли выход сами. В отделении он предлагал завершить ритуал, но его поддержал только Фу Ю. Остальные, ведомые страхом, думали лишь о побеге. В конце он даже разгадал смысл пяти призраков, но...

Самыми сложными загадками всегда оказываются не тайны мира, а человеческие сердца.

Даже найди он выход, перепуганные союзники вряд ли рискнули бы пойти за ним. Тем более — участвовать в жутком ритуале. Он не был лидером, способным вести за собой; он был чужаком, которого в лучшем случае просто терпели.

Минуту все молча переваривали информацию. Каждый осознал: Се Юньчжу был прав во всём. Слушайся они его беспрекословно, большинства бед можно было избежать. С примесью стыда и восхищения они украдкой поглядывали на него. Тот сидел, подперев щеку ладонью, и задумчиво вертел в пальцах серебряную серьгу. Несмотря на всё пережитое вместе, он по-прежнему казался бесконечно далеким.

Наконец Фу Ю прервал тишину:

— Думаю, ты размышляешь об Обезьяньей лапе.

— Да, — отозвался Се Юньчжу. — О том, насколько сильно желание Сун Цзымина исказило реальность.

— Как минимум, лапа помогла нам найти отделение переливания, — заметил Фу Ю. — Иначе мы бы блуждали там вечно.

— А то, что он схватил руку Смерти... было ли это тоже планом лапы? — Се Юньчжу нахмурился. Этот вопрос был ключом ко всему.

Хэй Бэй схватил руку «Жизни» совершенно случайно. В той суматохе, когда Далло и Сяо Ту были снаружи, оставшиеся трое метались по комнате. Фу Ю и Сун Цзымин бросились к рукам почти одновременно. Схватить Смерть мог любой, но досталась она именно Сун Цзымину.

Совпадение? Или воля артефакта? Если второе, то сила лапы, управляющая судьбой, была поистине пугающей. Это также опровергало их теорию о том, что за еретические ритуалы нет наказания.

Се Юньчжу поделился сомнениями с Фу Ю, и тот признал, что думает о том же. Скорее всего, Обезьянья лапа работала в кредит: она исполняла желания сразу, но в конце предъявляла общий, смертный счет.

— За всё, что дает игра, нужно платить, — тихо сказал Се Юньчжу. — Это единственный закон, который здесь никогда не нарушается.

— Как и в жизни, — Фу Ю покровительственно похлопал его по плечу. — Где-то прибыло, где-то убыло.

Се Юньчжу всё еще был погружен в свои мысли. Он невольно подумал о Ми Яне — малыш так много помогал ему... какова будет цена? И когда он придет за расплатой?

В это время Сяо Ту и Хэй Бэй, уже не понимавшие сути разговора, отсели в сторону и шептались о своем. Надо сказать, после «родов» Хэй Бэй стал как-то мягче, в его манерах появилось что-то от заботливой тетушки.

Се Юньчжу доел свой хого. На часах было без пятнадцати пять, а А Си и остальные так и не показались. Если до пяти они не придут, придется идти к бойне — либо спасать, либо собирать вещи с их трупов... и всё же добывать кровь.

Он уже начал прикидывать план, когда Сяо Ту радостно воскликнула:

— Они вернулись!

Но через секунду ее голос дрогнул от испуга:

— Почему их только трое?!

Се Юньчжу выпрямился. На залитом зноем горизонте показались три фигуры. Они шли медленно, тяжело, буквально волоча ноги к алтарю.

Это были А Си, Синь Лэй и Хоу Фэй. Чжоу Лань среди них не было.

Они были с ног до головы забрызганы кровью. Судя по всему, лица их тоже были в крови, и после попыток вытереть её, на коже остался зловещий красный налет. На их «ликах» застыли ужас, оцепенение и невыносимая скорбь — точно так же выглядели и они сами после возвращения из больницы.

Шедший впереди Синь Лэй тащил тяжелое железное ведро, до краев полное густой, еще теплой крови.

— Сестра Чжоу мертва, — глухо произнес он, дойдя до алтаря. Ведро с грохотом опустилось на камни, темная жидкость колыхнулась. Этот крепкий мужчина закрыл лицо руками и содрогнулся. — Мы принесли только её кровь...

Се Юньчжу на миг замер, вспомнив ту ночь, когда они вместе дежурили, и безвкусную, но приготовленную с такой заботой лапшу Чжоу Лань. Она говорила на ломаном языке, с провинциальным акцентом, и называла его хорошим человеком.

Вернувшаяся троица уставилась на них, и Фу Ю с горькой усмешкой произнес:

— Брат Сун тоже погиб. Мы тоже принесли лишь его кровь.

— О боже... даже брат Сун...

— Будь оно всё проклято! — Хэй Бэй в отчаянии рвал на себе волосы. — За что нам это?!

— В той бойне... там правда были свиньи, — А Си тяжело выдохнула, пытаясь справиться с дрожью. — Свинолюди, стоящие на двух ногах с тесаками... А на крюках и разделочных столах — человеческие тела...

Хоть убитыми были еретики, зрелище подкосило их. Но жажда крови для ритуала заставила их попытаться пробраться внутрь.

— У свиней феноменальное обоняние, в разы острее собачьего — мы поняли это слишком поздно, — продолжала А Си. — Мы думали, что скрытны, но эти твари заметили нас сразу. Они устроили западню.

— А Си первая почувала неладное. Заметила, как они точат ножи, и приказала бежать. Секунда промедления — и мы бы все там остались, — добавил Хоу Фэй, чья уверенность опытного игрока испарилась без следа. — Мы бежали со всех ног. Синь Лэй пытался отбиваться, но сестра Чжоу... она была больна, она просто не могла бежать быстро. Её схватили...

Трое беглецов стояли за стенами бойни и слушали, как тяжело опускается тесак... Этот звук навсегда останется в их памяти.

Тяжелое молчание повисло над алтарем. Лишь голос Се Юньчжу оставался ровным:

— Как же вы добыли эту кровь?

Лица троих стали еще бледнее. А Си, с трудом сглатывая, ответила:

— Свинолюдям нужно только мясо. Всё остальное они выбрасывают в отходы... Мы... мы пошли к свалке и нашли там это ведро...

Кровь была еще теплой. Что представляла собой эта «свалка» человеческих останков, Хэй Бэй предпочел не представлять, чтобы его снова не вывернуло.

Все были на пределе. Фу Ю взял ведро, чтобы вылить кровь в чашу, но заметил, что жидкость слишком густая. Он помешал её палкой и замер.

— Здесь что-то есть... обломки костей... мясо... Нужно процедить.

Никто не ответил. Никто не хотел к этому прикоснуться.

Наконец поднялся Синь Лэй:

— Я сделаю. Мне уже всё равно.

Пока они вдвоем очищали кровь, остальные вырыли две глубокие ямы. Фу Ю принес окровавленный сверток марли — там были осколки костей, кусочки плоти, гнилой зуб и золотое кольцо, которое Чжоу Лань всегда носила на безымянном пальце.

Се Юньчжу вдруг заметил среди обрывков промокший клочок бумаги. Он аккуратно развернул его. Это был номер телефона, который он сам когда-то оставил ей.

Его мимолетная доброта была бережно сохранена ею, как крошечная искра на пепелище, которая вспыхнула и тут же погасла.

Се Юньчжу опустил веки и положил записку обратно в сверток. Они зарыли его в землю, засыпав толстым слоем праха. Это место стало их кладбищем — рядом уже покоились останки Хуан Ботао, Сюй Нинно и Лян Юэ. Чтобы избежать трансформации, останки Сун Цзымина также сожгли и похоронили в небольшом сосуде.

А Си вырезала на деревянной табличке надпись. Слова ложились глубоко и четко:

«Здесь покоятся наши храбрые и несчастные друзья. Пусть души их найдут дорогу к дому и обретут вечный покой».

<http://bllate.org/book/15884/1585501>